

М И Х А И Л   М А Р Г О Л И С

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ ГРУППЫ

Машина Времени

настоящая
история
главной
рок-группы
страны

полвека в движении →

Михаил Марголис

**Машина Времени.
Полвека в движении**

«ЭКСМО»

2019

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

Марголис М. М.

Машина Времени. Полвека в движении / М. М. Марголис —
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102928-9

Единственная биография группы «Машина Времени», созданная при участии самой группы. Часы разговоров, воспоминаний, обсуждений, и вот — восстановленная для любимого читателя история, которая ожила в юбилейный год. Книга полна фотографий: здесь архивные фото молодых музыкантов, концертные съемки и множество живых, закулисных моментов. Михаил Марголис — один из самых крутых музыкальных журналистов, близкий друг «Машины», человек тонкого вкуса, судите сами: «В отечественной рок-летописи «Машина Времени» наверняка останется единственной группой, доехавшей до своего «полтинника» без оговорок. Все остальные начали существенно позже «Машины» и вряд ли пройдут столь долгий путь. Новая реальность становится калейдоскопичнее с каждым днем, в запросах публики все меньше постоянства. У «Машины» же сложилась прямо-таки волшебная и отчасти поучительная биография. Стартовав как советские «битлы», Макарыш сотоварищи к сегодняшнему дню превратились в российских «роллингов», хотя бы с хронологической и статусной точки зрения. За полвека у группы не было ни единого серьезного простоя. Добро пожаловать на борт!

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

ISBN 978-5-04-102928-9

© Марголис М. М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Марголис
Машина Времени
Полвека в движении: настоящая
история главной рок-группы страны

Глава 1

Оставайся собой

Мы вместе идём, распевая хорошие песни по Пресне. И в мире нет смерти и времени нет...

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РОК-ЛЕТОПИСИ «МАШИНА ВРЕМЕНИ» НАВЕРНЯКА ОСТАНЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ ГРУППОЙ, ДОЕХАВШЕЙ ДО СВОЕГО «ПОЛТИННИКА» БЕЗ ОГОВОРОВ. ДАЖЕ У «АКВАРИУМА» ТАКОГО НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

Он волей своего создателя поделен на версии – «1.0», «2.0», «3.0» и т. д. И сколько бы людей в тот или иной период ни музицировали с БГ, «Аквариум» – его личная игра, то есть тут история не совсем про группу. О других флагманах цеха (из тех, что пока «в седле») и речи нет. Все они начали существенно позже «Машины» и вряд ли пройдут столь долгий путь. Новая реальность становится калейдоскопичнее с каждым днем, в запросах публики все меньше постоянства.

Мне трудно представить, допустим, полувековой юбилей «Мумий Тролля», «Сплина», «Ленинграда»... Как ностальгическая гала-акция такое вполне возможно. Но чтобы эти команды сохранили свой костяк до середины нынешнего века, ни на год не ушли в тень и на собственное 50-летие (когда их фронтменам станет под 70) пустились в полугодовое гастрольное турне по нескольким странам, исполняя в «бисовой» части программы древние вещицы типа «Утекай», «Орбит без сахара», «Геленджик» – звучит утопично. По крайней мере сейчас.

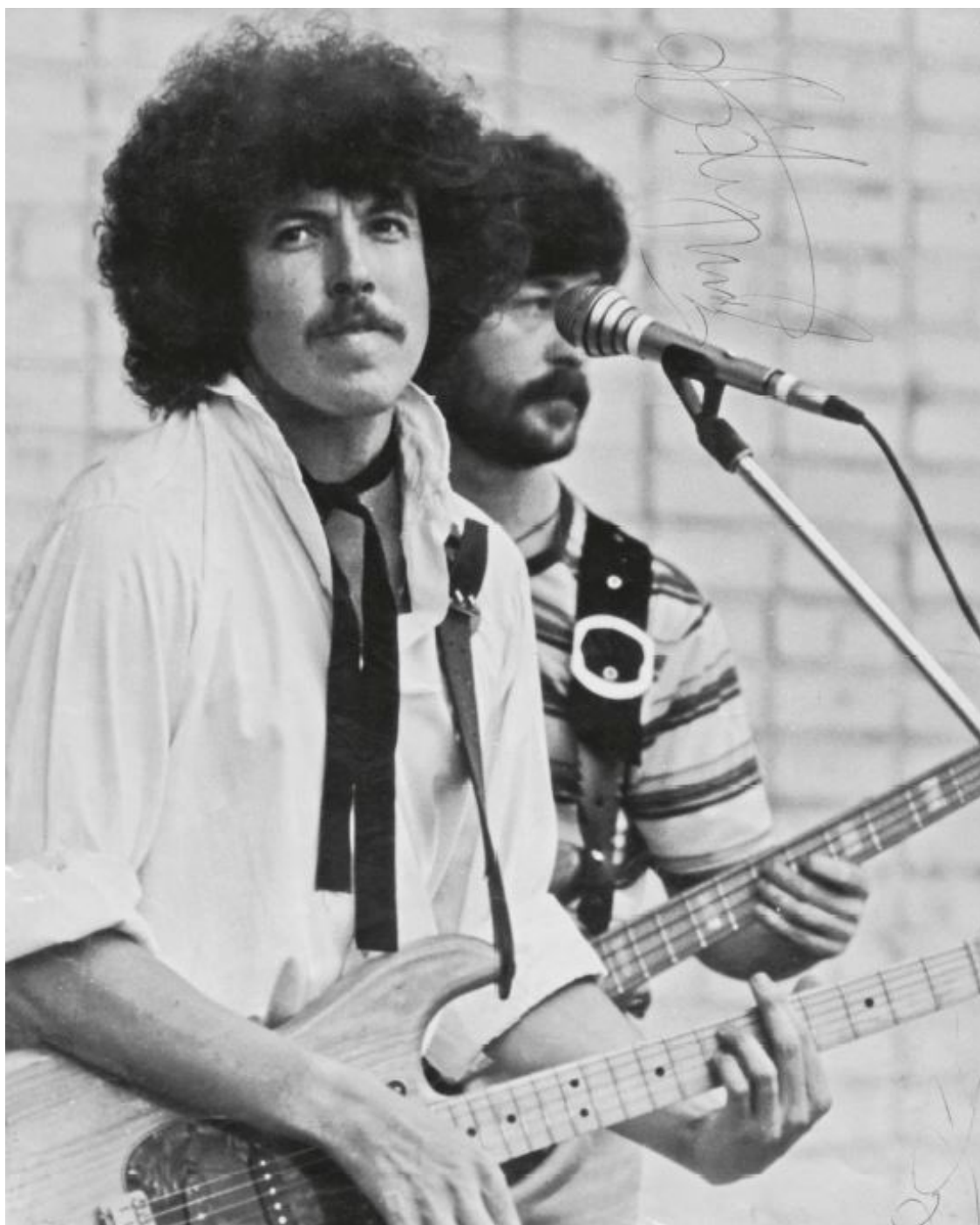
У «МВ» же сложилась прямо-таки волшебная и отчасти поучительная биография. Стартовав как советские «битлы», Макар сотоварищи к сегодняшнему дню превратились в российских «роллингов», хотя бы с хронологической и статусной точки зрения. За полвека у группы не было ни единого серьезного простоя. Такого, чтобы кто-то мог удивленно спросить: «А разве «Машина» еще существует?» Не было даже спадов популярности. При «застое» и «перестройке», в постсоветские демократичные 90-е и полемические десятилетия нынешнего

века «МВ» могла и может собрать стадион, а иногда целые площади с десятками тысяч своих поклонников. При этом люди желают в сотый раз услышать не только ветхозаветные «Скачки», «Поворот» «Марионетки», «Костер», но и «Однажды мир прогнется под нас», «Место, где свет», «Звезды не ездят в метро», «Улетай», «Пой», «Однажды»... Перечисления хватит на целый абзац. Это хиты из разных эпох. Некоторые написаны относительно недавно и далеко не все исключительно Андреем Макаревичем. «Машина» не превратилась в передвижной экспонат эры нелегальных сейшенов, магнитофонных бобин и черно-белого телевидения, не стала сольным проектом своего лидера, как постепенно произошло практически со всеми популярными рок-группами, рожденными в СССР. Она удерживается на своей орбите, не теряя контакт с реальностью (о чем сигнализируют новейшие песни «МВ»).

Слово Макара по-прежнему резонансно: стоит ему откровенно высказаться в СМИ или соцсетях, и моментально это становится топовой новостью, темой для общественного ора. Каждую собственную круглую дату, так сказать, при любых режимах, группа отмечала грандиозными концертами на Красной площади, в Лужниках, спорткомплексе «Олимпийский». И полувек свой в родной Москве встречает на вместительной, новой футбольной арене «Открытие». А на главной афише юбилейного тура «МВ» не просто название группы, не портрет поседевшего Макара во весь плакат. Там, словно окликнутые кем-то из бурного прошлого, с улыбкой оборачиваются к сегодняшней публике молодые Андрей Макаревич, Александр Кутиков, Валерий Ефремов – устойчивый треугольник, отобранная временем основа «Машины».

Что до «поучительности» биографии «МВ», она в какой-то сатирической (и исторической) справедливости, с добавлением басенной морали. Непроизвольно перечисляешь затертые поговорки: «хорошо смеется тот, кто смеется последним», «цыплят по осени считают», «поживем – увидим», «собака лает – караван идет» или замечание профессора Павла Константиновича из «Гаража» Эльдара Рязанова: «В молодости меня много били, причем били за то, за что потом давали звания, премии...» А у Михаила Жванецкого есть наблюдение: «Мыслить так трудно, поэтому большинство людей судит», у язвительного Станислава Ежи Леца: «История повторяется, потому что не хватает историков с фантазией», да и у самой «Машины» в песнях изрядно подобных крылатых фраз. Ирония судьбы до смешного регулярно проявлялась и повторялась в «машинистском» марафоне.

Вспомним хотя бы несколько полярных фактов. В 1982 году один из главных рупоров советской печати, газета «Комсомольская правда», опубликовала приснопамятный опус «Рагу из синей птицы». Показательный наезд на успешную, но не «ручную» (как все тогдашние филармонические ВИА) «Машину Времени» лишь от имени красноярского собкора издания Николая Кривомазова (впоследствии успевшего поработать ответственным секретарем газеты «Правда» и главным редактором журнала «Русская водка») выглядел бы не вполне весомо. Поэтому в текст заметки включили цитату из коллективного письма «заслуженных деятелей искусства». Среди «подписантов» оказался даже знаменитый писатель-фронтовик Виктор Астафьев, человек, чуждый всякой угодливости и коллективным «одобрямсам». Но «весь этот рок-н-ролл», скорее всего, был от него настолько далёк, что в данном случае каких-то сильных эстетических и нравственных противоречий Астафьев мог в письме не заметить, а уж о том,

как оно вмонтируется в кривомазовский материал, просто не знал. В общем, сибирские деятели искусства резюмировали так: «Многие из нас посвятили жизнь музыке, литературе, эстрадной режиссуре, и мы авторитетно заявляем, что пением выступление «Машины Времени» назвать нельзя».

Минули десятилетия, и некоторые из подписавших то письмо (а заодно и журналист Кривомазов) увидели, как в 1999 году президент России Борис Ельцин наградил участников «МВ» орденами Почета «За заслуги в развитии музыкального искусства».

Или вот другой сюжет из той же первой половины 80-х. Маститый маэстро Микаэл Таривердиев на одном из худсоветов, услышав «машиновский» хит «Кого ты хотел удивить?», поинтересовался у своих коллег: «Простите, пожалуйста, а кто эти молодые люди? У них есть художественный руководитель?» Ему ответили: «Да. Вот, Андрей Макаревич у них пишет песни». – «Он кто?» – «Архитектор». – «Ну, так пусть и занимается архитектурой. Давайте, каждый будет заниматься своим делом». На этом худсовет закончился.

Уважаемый Микаэл Леонович немного не дождался момента, когда в 2003 году уже другой российский правитель – Владимир Путин – вручил именно музыканту, а не архитектору Андрею Макаревичу орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Из совсем современных амбивалентных реакций на «Машину» и ее рулевого есть замечательный пример. В 2015 году, когда группа попала почти под «совковый» пропагандистский прессинг в связи с тем, что общественная позиция и действия Макара и «МВ» опять не совпали с «линией партии», редактор газеты «Культура» в своей авторской колонке, оценивая творческий вклад в отечественное искусство некоторых не милых ее сердцу современников, пообещала, что плоды их деятельности «полетят в мусоропровод, как просроченный йогурт. А вот два десятка песен Макаревича останутся – невзирая на раннюю деменцию автора». Четыре года спустя та же женщина, что диагностировала у лидера «МВ» слабоумие («деменцию»), пригласила его в состав совета по культуре Госдумы (который возглавила) и в одном из интервью назвала «умницей».

Так и складывается кругами, как на гоночном автодроме, траектория «Машины Времени». От «Барьера» 70-х, где Макар высекал строчки-вопросы: «Ты был из тех, кто рвался в бой/И без помех ты с ходу брал барьер любой. Барьер любой/Любой запрет тебя манил/И ты рубил и бил, пока хватало сил, и был собой/Ты шел как бык на красный свет, ты был герой, сомнений нет/Никто не мог тебя с пути свернуть/Но если все открыть пути, куда идти и с кем идти?/И как бы ты тогда нашел свой путь?» До новейшей песни «Без названия», где он в принципе на всё себе ответил: «...Солнце с луной не менялись местами/Ночами не делались дни/Но как же послушно стали глистами/Бывшие братья мои/В зоне закрытой, богом забытой/Нас согревал и вел/Наш доморощенный, битый-побитый/ Но все-таки rock-n-roll/И что бы в те годы ни приключилось/Этот огонь был жив/ Мы не любили несправедливость/Мы не терпели лжи...»

«Простите, пожалуйста, а кто эти молодые люди? У них есть художественный руководитель?»

Ему ответили: «Да. Вот, Андрей Макаревич у них пишет песни». – «Он кто?» – «Архитектор». – «Ну, так пусть и занимается архитектурой. Давайте, каждый будет заниматься своим делом».

Глава 2

Свидетели «Машины»

Из тех, с кем тогда обязательно хотелось пообщаться, недосчитался троих.

НЕКОТОРЫЕ УЧАСТНИКИ «МВ» (НЫНЕШНИЕ И ПРЕЖНИЕ) СРАВНИТЕЛЬНО РАНО ВЗЯЛИСЬ ЗА МЕМУАРЫ, И У ФАНОВ ГРУППЫ СЕЙЧАС НАВЕРНЯКА НАКОПЛЕНЫ НЕПЛОХИЕ АРХИВЫ.

Там не только писательские труды Андрея Макаревича, Максима Капитановского, Петра Подгородецкого, но и масса блуждавших в СМИ воспоминаний людей, в разные периоды как-то причастных к группе. Так вышло, что одиннадцать лет назад я оказался первым автором без «машинистского» прошлого, написавшим развернутую биографию «МВ».

Из тех, с кем тогда обязательно хотелось пообщаться, недосчитался троих. Давно пропавшего без вести бедового клавишника «Машины» 80-х Александра Зайцева. К моменту сдачи книги в типографию появилась информация, что труп Зайцева (чуть-чуть не дожившего до своего 50-летия) нашли на берегу Волги в Ивановской области, и милиция предполагает, что его убили. Вскоре следствие подтвердило эту версию, назвав имена преступников. Не довелось достучаться и до одного из основателей «МВ», давно покинувшего родину Сергея Кавагоэ. В последнее время Кава, осевший в Канаде, находился в жесточайшем кризисе.

«Машинисты» контакт с ним фактически утратили. Существовал электронный адрес Сергея, на который я несколько раз отправлял послания, остававшиеся без ответа. А в начале осени 2008-го из-за океана пришло скорбное известие: Кавагоэ умер в ванной своей квартиры от острой сердечной недостаточности. Ему было 55.

С наиболее разбитным, эпатажным и, наверное, самым известным клавишником «МВ» – Петром Подгородецким ничего трагического благо не произошло. Он игрив и весел по сей день. Однако незадолго до того, как я приступил к написанию своей первой книги о «Машине Времени», Петя (уволенный из группы за пристрастие к... веселым порошкам) выпустил собственный скандальный опус «Машина с евреями». Тем, кто просто «запасается попкорном» и наблюдает за склоками, – откровения Подгородецкого, конечно, понравились. Сторонники «Машины» сочли их банальной мстью бывшим соратникам и во многом – преувеличением и враньем. А среди не то чтобы хейтеров, но без особой симпатии относящихся к «МВ» читателей сформировалось мнение, будто «Затяжной поворот» (так называлась моя книга) – это заказанный «машинистами» (или конкретно Макаром) глянцевого ответа на мемуары Подгородецкого, комментировать которые сами музыканты группы отказывались. Типа брезговали.

Дабы развеять сомнения скептиков, я предложил тогда Петру ответить на мои вопросы для книги, но он заявил, что в своей «Машине с евреями» все сказал и «больше этой темой не интересуется». То был период наибольшего напряжения и раздраженности между ним и «машинистами». Теперь все улеглось, остыло. «...и каждый пошел своею дорогой...» И продолжает ей идти. Подгородецкий исполняет в своих сольниках целый блок песен «МВ», а «Машина» иногда играет вещи, соавтором коих является Петр. И я с ним общаюсь, как прежде (до его ухода из группы). И если надо, о «МВ» он вновь готов разговаривать, хоть и без особого энтузиазма. Но во второй половине «нулевых» к «душевным» беседам о группе, где он фактически и стал узнаваемым музыкантом, Петя был не готов. К тому же заменили его тогда, словно назло, «попсовиком» Андреем Державиным, появление которого в «Машине» озадачило даже многих адептов команды. Однако исполнитель эстрадного шлягера «Не плачь, Алиса», лидер коллектива «Сталкер», продержался в «МВ» 17 лет. То есть дольше других клавишников группы. Потом с ним все-таки расстались. Тому был ряд причин, но «основная» (так мне ее обозначил Макаревич) звучит удивительно (после стольких-то лет сотрудничества!): «Все же Державин не вписался в наш коллектив. Он человек немножко другого склада. Не нашего. Очень мягкий, способный принять любую форму. Рано или поздно это начинает чувствоваться».

За несколько лет до снятия Державина с пробега из «Машины» вышел Евгений Маргулис. Гуля – одна из несущих конструкций харизмы этой группы, ее блюзовое настроение и особое концертное обаяние. Его, конечно, никто не увольнял, он ни с кем из «машинистов» не ссорился вдрызг. Женя просто почувствовал, что опять настало время заняться чем-то другим, своим. В его отношениях с «МВ» такое происходило неоднократно. При этом Маргулис

настолько неотрывен от «Машины Времени» в восприятии широкой публики, что и сейчас встречается немало людей, уверенных, что он по-прежнему в составе группы. Поскольку Женя давно ведет именную музыкальную программу на одном из федеральных российских телеканалов, его узнаваемость и число поклонников еще возросли. И накануне полувекового юбилейного тура «МВ» я не раз встречал в соцсетях реплики вроде этой: «О, к нам «Машина Времени» приезжает. Надо попробовать сделать селфи с Маргулисом». Но Гуля в данном юбилее «МВ» не участвует.

Помимо кадровых перемен минувшее десятилетие пополнило мемориальный список группы. Один за другим ушли в мир иной значимые для «МВ» люди, в разное время расставшиеся с командой, но до конца своих дней сохранявшие любовь к ней. Барабанщик «Машины» начала 70-х и ее концертный звукорежиссер с 1983 по 1994 год – Макс Капитановский. Его и в «нулевых» можно было нередко встретить в гримерке «машинистов» на их московских концертах. Последнее, что успел Макс незадолго до смерти, – выпустить в 2012 году документальный фильм «Тайммашин. Рождение эпохи», посвященный истории «Машины Времени».

Александр «Фагот» Бутузов – столичный тусовщик-«семидесятник», поэт, меломан. В советские годы был штатным чтецом-декламатором «Машины» времен программы «Маленький принц» и комсоргом группы. Это он познакомил молодого Женю Маргулиса с девушкой Аней, которая уже 35 лет является супругой Гули. Вывели Фагота из состава команды «за систематические нарушения режима и попадания в вытрезвитель». Это не повлияло на его хипповский уклад жизни. Хотя с возрастом Саша всё более замкнутое на своей собаке и прокуренной квартире существование в спальном районе Москвы. Практически перестал «выбираться» в центр. Но пришел в 2008 году на презентацию книги «Затяжной поворот» в известный книжный магазин на Лубянке, где вновь (после долгого перерыва) встретился с Макаром. В 2013-м Фагот скончался от сердечного приступа.

А пять лет спустя, весной 2018-го, не стало Владимира Сапунова – бессменного директора «Машины» с 1994 по 2017 год. Одновременно он занимал ту же должность в другой московской легендарной команде – «Воскресение», той, где пел и играл его младший брат Андрей Сапунов. «МВ» и «воскресники» столько лет шли по нашему рок-н-роллу параллельными курсами, что Сапунов-старший однажды предложил им отметить очередные их круглые даты совместным проектом «50 на двоих». И такой концерт состоялся даже в Кремлевском дворце. У Володи была мощнейшая жажда жизни. Суровая болезнь, приковавшая его в зрелом возрасте к инвалидному креслу, не погасила его энергетику. Он продолжал организовывать концерты двух именитых групп, выпускал книги своих стихов, а в 2014 году целая сборная российских рок-звезд записала диск его песен «Бег In The USSR», открывающийся темой «На паре крыл», разумеется, в исполнении «Машины Времени».

К счастью, и с Капитановским, и с Фаготом, и с Владимиром Сапуновым я обсуждал хронику «МВ» подробно и не раз. В отличие от Зайцева и Кавагоэ, их комментарии и размышления в этой книге есть.

Глава 3

Не важно как ты играешь, важно – что

В ту пору я хипповал.

ИЗОБРЕТЕНИЕ «МАШИНЫ ВРЕМЕНИ» ЗА «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ» БОЛЬШОГО, ОДНООБРАЗНОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАЧАЛОСЬ В ТУ ПОРУ, КОГДА РАЗНОЦВЕТНЫЙ ЗАПАДНЫЙ МИР БУКВАЛЬНО ПЫЛАЛ ЭКСПРЕССИЕЙ И МАКСИМАЛИЗМОМ МОЛОДЫХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ».

Во Франции продолжались страстные дискуссии о недавних студенческих волнениях в Париже, кому-то показавшихся отблеском новой революции. За океаном почти таким же революционным, только не агрессивным актом, стала устроенная в сельской местности штата Нью-Йорк «Вудстокская ярмарка музыки и искусств» – трехдневный гимн пацифизму, любви и психоделическим веществам. Акция, где вгоняли публику в транс, релакс, экстаз: Дженнис Джоплин, Джо Кокер, Карлос Сантана, Джимми Хендрикс, Grateful Dead, Joan Baez, Jefferson Airplane, Cream и еще десятки классных исполнителей, навсегда осталась эпическим собы-

тием в истории оупен-эйров. Британия в тот же момент знакомилась с «Led Zeppelin» и «Deep Purple», а группа «Битлз» – светоч 1960-х, напротив, доживала последние дни. Однако именно прогрессирующая «битломания» нескольких московских школьников: Андрея Макаревича, Юрия Борзова, Игоря Мазаева, Сергея Кавагоэ и быстро примкнувшего к ним Александра Кутикова, в 1969 году вывела на просторы СССР самодельную «Машину Времени», умудрившуюся с гиком (и весьма деликатным периодическим тюнингом) пронестись сквозь череду трансформаций современной музыки и вполне солидно вкатиться в наше настоящее.

Справедливости ради стоит упомянуть предтечу «Машины» – ансамбль «The Kids» и входивших в него Александра Иванова, Павла Рубена. Хотя это уж слишком глубокое бурение. Все же квинтет, упомянутый выше, более подходит на роль стартового состава непотопляемого российского бэнда.

«В старших классах, – рассказывает Макаревич, – я с одноклассником Женькой Прохоровым, царство ему небесное, писал какие-то стебовые стихи, чтоб не скучать на уроках. Иногда по строчке, иногда по строфе. Мы глумились над советской пропагандой. Пародировали ура-патриотические вирши. У меня где-то лежат три красиво оформленные тетрадки этих стихов, которые мы подписывали «Первое литературное объединение». Они ходили по рукам в классе и вызывали большую радость. «Люди к счастью идут, потому что в наш век все дороги ведут к коммунизму, чтобы мирно и счастливо жил человек, укрепляя родную отчизну...» Так вот и прочая хрень.

А с Мишкой Яшиным, другим моим одноклассником, мы пели бардовские песни, которых он знал великое множество. А я не знал. Но это было интересно, модно. Повсюду они звучали: в походах, электричках, во дворах. Визбор, Ким...

Параллельно мне нравилось какое-то кантри. Не Боб Дилан. Он коснулся нас позже, а что-то типа «Питер, Пол энд Мэри». В моем первом школьном ансамбле присутствовали две девочки, к одной из которых, Ларисе Кашперко, я был сильно не равнодушен, и мы старались красиво, на три голоса, петь всякую кантри-музыку.

За гитару я взялся, когда мой товарищ-десятиклассник Слава Мотовилов, странный такой, долговязый, нездоровый человек, месяцами проводивший лежа в постели, показал три аккорда на семиструнке, с помощью которых исполнил песню Высоцкого «Солдаты группы «Центр». На каникулы я взял у него ту гитарку и пару недель эти три аккорда долбал нещадно. Потом стал искать что-то самостоятельно. Играть на гитаре было престижно. Да и сам вид этого инструмента, его звук, запах мне очень нравились.

В ту пору я хипповал. Мы прочитали в журнале «Вокруг света» большой репортаж советского зарубежного собкора «Хождение в Хипплиндию», где он рассказывал, как попал в хипповскую коммуну, встретился с ее лидером, который посвятил его в тонкости идеологии хиппи. Нам это страшно понравилось. Идеологию приняли сразу.

Но еще раньше мы слышали «битлов», и тогда же к нам в школу приехали «Атланты», уже игравшие громко, на настоящих инструментах. Мы, конечно, рехнулись. Это был шок. Наша школьная группа играла на гитарах, выпиленных из фанеры, и подключалась к проигрывателю «Юность». На фоне «Атлантов» – это никуда не годилось. Тут уже была настоящая бит-группа.

А «Битлз» для нас являлись самыми главными. Часами после школы сидели с ребятами у меня дома, слушали музыку, пили портвейн и спорили до хрипоты, вот, кто эту песню поет – Леннон или Маккартни, и вообще, «Битлз» это или не «Битлз»? Ведь масса записей к нам попадала случайно. Переписываешь у кого-то бобину, черт знает, что на ней записано, какие-то группы... Три там голоса или два, каков расклад по инструментам... До драк практически доходило при выяснении этих фактов.

Одноклассники и прочие школьные знакомые, не помешанные на «битлах», для нас не существовали и проходили мимо. Но мы, наверное, вызывали у них какую-то смесь уважения

и восхищения, поскольку пребывали в совершенно своем мире и разговаривали о чем-то им неведомом. Каждый день собирали по крупицам информацию. Например, «битлы» записали пластинку «Сержант Пеппер». Нам она поначалу не очень понравилась, как и тогдашние усы и костюмы «битлов».

Какого черта они нарядились? Но уже на третий день мы «въехали» в этот альбом абсолютно. Поняли, что эта музыка не для концертов, а для медитации. У нас вообще случился ужасный конфликт в своем кругу. Ребята хотели играть битловские вещи, а я объяснял, что это невозможно, ибо «Битлз» слишком хорошо поют. В нашем варианте получится отвратительно. Надо играть «роллингов», потому что они поют примерно как мы, и у нас выйдет похоже. Поэтому «роллингов» или «Monkeys» мы играли тогда значительно больше.

Передовая информация долетала до нас с опозданием. О «Вудстоке-69» мы узнали где-то в 70–71 гг. от Стаса Намина. Слушали выступавших там артистов с утра до ночи, но к «битлам» все равно не остыли. Мы ими еще не наелись.

Колоссальным толчком стало появление в нашей компании Кавы. У него были две настоящие электрические гитары и маленький усилитель. С их помощью извлекался звук, который мы слышали на фирменных пластинках. Там даже имелось тремоло. Это сводило с ума. Я мог просто с утра до ночи сидеть и дергать за струны».

К 71-му у «Машины» уже накопился определенный авторский материал. Ее репетиционная база переместилась из школьных помещений в культовый для столичного рока ДК «Энергетик», в состав команды влился Александр Кутиков, а Макаревич, пойдя по стопам отца, поступил в Московский архитектурный институт (МАрхИ), где его и повстречал будущий лидер другой знаменитой столичной рок-группы «Воскресение» Алексей Романов. Точнее, он заметил Макара «с прической «воронье гнездо» – а-ля Боб Дилан» еще раньше, когда часто пересекался с ним в вагоне метро, следуя по одной ветке от «Фрунзенской» до «Кропоткинской». Но познакомились они только в институте.

«В архитектурный Макар поступил на год позже меня – вспоминает Романов. – У нас там уже существовала группа. В МАрхИ вообще было до фига команд. Две на нашем курсе, курсом старше еще одна – «Вечный двигатель»... И вот я с удивлением увидел во дворе института того самого парня, которого заметил ранее в метро. Он сидел на портфеле и что-то вышлепывал ладошками. А у нас в группе барабанщика не хватало. Я вежливо предложил ему присоединиться к нам, но он ответил: «Извините, я уже играю в группе. Большое спасибо». Но знакомство завязалось, и с тех пор мы общаемся.

Для репетиций в институте нам предоставляли актовый зал. Андрей иногда туда заглядывал послушать. Настал момент, когда там выступила и «Машина». Сережка Кавагоэ играл на органе, Игорь Мазаев на басу, Юра Борзов на барабанах и Макар на гитаре. Исполняли что-то из «Сержанта Пеппера». Они произвели приятное впечатление. Тогда, важнее было не как команда играет, а что именно.

Но вообще у «МВ» – отдельная история, не вузовская. Скажем, мы со своей командой являлись такими институтскими разгильдяями. Игра на гитарах была для нас таким же времяпрепровождением, как питье пива, разговоры о джинсах, футболе, девчонках. Концерты ведь проводились во всех институтах каждую неделю. Оставалось выбирать куда пойти – на «Рубиновую атаку» («на «Рубинов»), предположим, или на «Скоморохов»... Самостоятельную, целенаправленную творческую деятельность в то время мы не вели. Просто из любопытства иногда что-то сочиняли. Вытаскивать это на сцену даже в голову не приходило. Мы могли в состоянии подпития с закадычными друзьями поделиться чем-то, что варилось в нашей «кастрюльке». Дальше кухни это никуда не шло, и выкинуть было не жалко. А у Макара, по-моему, сразу возникло четкое понимание, чего он хочет. Он выглядел целеустремленнее всех, кого я знал в студенческо-музыкальной тусовке.

Мне запомнился один из сольников «Машины» в том же актовом зале – он был сидячим. До этого в МАрхИ все выступали в основном на верхнем этаже, в выставочном зале. Проще говоря, на танцах. И «Машина» там играла какой-то хороший западный, попсовый, в сущности, материал. Но вдруг они сделали такую программу, чтобы люди просто сидели и слушали. Оказалось, у них достаточно собственного материала, который канает именно как концертный, а не танцевальный. Это было событие. По-русски, оказывается, и так можно петь!

Мне кажется, Андрей во многом задал фасон всего русского рока. Ранние вещицы «МВ» – «Продавец счастья», «Солдат», «Миллионеры» формально выглядели вполне зрелыми композициями. Не беру сейчас их стилистику, идеологию – не мое дело. Но как «штучка», хит, изделие, они являлись готовым продуктом. Вполне оформленная аранжировка, взаимодействие куплетов, исполнительская подача – все было найдено. Мера агрессии, мера меланхолии,

своеобразная блюз-роковая платформа, какое-то количество кантри, которое Андрей достаточно серьезно изучал. Прямо такое махровое кантри. Не прилизанный фолк, а «стариковские» заунывные баллады с расстроенным банджо. Помню, у Макара имелось несколько пластинок американских исполнителей абсолютно деревенской такой музыки, не относившейся ни к кантри-вестерн, ни к блюграссу. Она смахивала на каторжные темы, штатовский шансон.

«Мы все еще находились тогда на низшей ступеньке исполнительского мастерства, – откровенно констатирует Макаревич, – говорить о каком-то нашем уровне было бессмысленно, но мы уже представляли, как надо делать».

Это весьма принципиальный момент. О том, что «Андрей задал фасон русского рока», говорит не только его сверстник Романов. Многие российские рок-музыканты следующего за «Машиной» поколения подчеркивают, что поверили в потенциал русскоязычного рок-н-ролла, именно когда слышали «МВ». Но Макара – не абсолютный первопроходец на этом поприще. Да, интуитивно он быстро понял, куда нужно двигаться, но рядом уже играли музыканты, на которых можно было ориентироваться.

«Однажды у нас появился 20-ваттный усилитель «Ace tone», – говорит Макара. – Об этом, видимо, быстро прознал Александр Градский, и блестящий барабанщик Юра Фокин, игравший с ним тогда в «Скоморохах», как-то сказал нам: «Если хотите послушать лучшую группу страны, подъезжайте тогда-то к дому Градского на Мосфильмовской улице, сядем вместе в «рафик» и поедем на концерт в Долгопрудный. А вы же дадите нам воспользоваться вашим аппаратом?» Мы, конечно, с радостью согласились. В Долгопрудном, к слову, было самое безопасное место, 8-я столовая, кажется, называлось, при институтской общаге. Там сейшена всегда заканчивалась хорошо. Менты туда не приезжали.

И вот послушав «Скоморохов», я понял, что нужно писать песни на русском. Первые мои опыты вышли совершенно нелепыми: печальная, безысходная лирика. Чудовищные тексты, как я теперь понимаю. Благо не многие из них сохранились. Но довольно скоро появились и какие-то ёрнические вещи типа «Я с детства выбрал верный путь».

В начале 70-х в Москве было полно рок-команд недостижимого в нашем восприятии уровня. Те же «Скоморохи», «Атланты», «Скифы», где фантастический гитарист Дюжиков один к одному снимал Элвина Ли... Периодически они играли то в «Синей птице», то во «Временах года». Нас туда по юности не пускали, но мы все равно как-то прорывались.

Постепенно выяснилось, что, хотя наше святое братство прекрасно, чтобы быть группой, надо еще уметь играть. У кого-то в «МВ» с этим делом обстояло хуже, у кого-то лучше. У кого-то не получалось совсем. Кавагоэ, например, за годы, проведенные в «Машине», перепробовал едва ли не все инструменты. Когда нам не хватало басиста, он играл на бас-гитаре. Находили басиста, он садился за орган, потом стал барабанщиком. Это вполне объяснимо. До определенного момента мы все-таки стремились сохранить нашу атмосферу, взаимопонимание, что было важнее привлечения в группу постороннего человека пусть и более профессионального.

Глава 4

Три гордых «К»: Кавагоэ, Кутиков, Капитановский

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ МАКАРЕВИЧА ПОСТЕПЕННО РАЗБАВЛЯЛА ЧИСТЫЙ РОМАНТИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ. В «МАШИНУ» ПОДСАЖИВАЛОСЬ ВСЕ БОЛЬШЕ ПОПУТЧИКОВ, КОТОРЫХ ОЦЕНИВАЛИ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПО ИХ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМУ УРОВНЮ (ИЛИ «ДЕФИЦИТНЫМ» ОПЦИЯМ: НАЛИЧИЕ ХОРОШЕГО ИНСТРУМЕНТА, АППАРАТА, РЕПЕТИЦИОННОЙ ТОЧКИ И Т.П.), А НЕ ТОЛЬКО ПО СТЕПЕНИ КОММУНИКАбельНОСТИ И МУЗЫКАЛЬНЫМ ПРИСТРАСТИЯМ.

Пожалуй, последний, кто влился в состав «МВ» (и превратился в ее фундаментального участника) без малейшего рационализма, – Александр Кутиков. Он и сам не вполне понимает, почему так произошло. «Одному Богу известно, как я в 1971 году попал в «Машину», – рассказывает Саша. – Думаю, просто компания понравилась. Все были битломанами. И особой «мажористости» я у них не заметил. Собственно, я сам принадлежал к тому же «сословию». Только жизненные обстоятельства в определенный момент существенно изменили мой быт. До 7 лет я жил в отдельной 4 комнатной квартире на Патриарших прудах. Дедушка мой являлся большим административным работником. Когда он развелся с моей бабушкой, эту квартиру разменяли. Все разъехались по маленьким комнатам. Мы с мамой и сестрой поселились в коммуналке – сначала в Большом Козихинском переулке, затем на Малой Бронной. После того как у меня были няньки, пайки, попасть в коммуналку, где еще 11 соседей, это шок, конечно.

Но дело же не в том, к какому социальному кругу относишься. Имело значение, что ты знаешь, умеешь, как смотришь на мир, страну, систему. Я с «машинистами» в этом смысле был очень близок.

Например, в 16 лет я являлся секретарем комсомольской организации в школе и по собственной инициативе написал заявление о выходе из ВЛКСМ. Комсомольский билет подарил на память маме. Она восприняла ситуацию философски. Если сын так выразил свое отношение к советской жизни, значит и такое возможно в нашей семье.

Дедушка, правда, очень расстроился, поскольку это могло помешать карьере, которую он для меня прогнозировал. Я поступил в военно-механический техникум министерства обороны. Предполагалось, что скоро надену мундир или стану специалистом по приемке изделий в области радиолокации на каком-нибудь оборонном отечественном предприятии. Но я забросил этот техникум очень быстро. Стать военным или работником «оборонки» меня абсолютно не привлекало. Интересовали современная музыка и игра в рок-группе. Поэтому я устроился звукооператором в радиокомитет».

Определенные этические нестыковки с «машинистами» у Александра на первых порах все же возникали. Макар запомнил, как в группе «страшно глумились над Кутиковым, например, потому, что он приводил на репетиции девушек, дабы те сидели в углу и смотрели, как

он красиво играет на бас-гитаре. Для нас это было западло. Мы его гнобили: что же ты, мол, дешево святое продаешь. Остальные себе такого не позволяли. Да и времени на девочек не оставалось. Хватало осознания того, что мы им нравимся». Кутиков реагировал на подобные подтрунивания спокойно и считал, что выполняет почти просветительскую миссию, поскольку давал юным леди шанс глубже познать подпольную советскую рок-музыку. И вообще, Саша приводил не только зачарованных девушек. Осенью 1971-го «МВ» лишилась сразу двух своих исторических участников. Басиста Игоря Мазаева забрали в армию, а Юрий Борзов ушел сам. «Юрка был нашим идеологом, любимым человеком, самым одухотворенным битломаном, – говорит Макар. – Но с барабанами он не справлялся. Не каждому дано. У него постоянно что-то падало: то тарелка, то палочки, то ведущий барабан распадался. И он покинул группу. А едва ли не на следующий день Кутиков привел к нам Макса Капитановского, у которого имелась сумасшедшая барабанная установка, и до этого он играл в группе «Второе дыхание». Они там снимали Хендрикса один к одному и были страшно техничными. Получалось, что ради нас Макс бросил такую классную группу! Мы стали равняться на него».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.